
УДК: 336.717:[330.1:004.7]

JEL: O 16; O 43

Валерия Корнивская

ФИНАНСОВАЯ НЕСВОБОДА В НОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Представлены результаты исследования проблем нивелирования экономической свободы и, как её составляющей, финансовой свободы в процессе становления нового общества. Учитывая асимметричность информационного пространства, в котором развивается экономическая свобода, в работе доказано, что она не может быть только набором механизмов реализации интересов, она представляет собой разветвлённую систему взглядов, принципов, традиций, правил хозяйственной деятельности и требует определённой институциональной структуры для формирования и развития, которая состоит из определённых уровней, первый из которых – это институты первоначальной социализации (семья), институты операционной активности (институты получения квалификации, профессиональная среда, финансовые институты и т.д.), самый высокий уровень – государство. В то же время показано, что в современных условиях продолжается кризисное искажение субъектного стремления к свободе, которое развивается в результате трансформации институциональной структуры её формирования и развития, происходящей на указанных уровнях в результате продолжающихся кризисов, социально-экономической дестабилизации, размытия среднего класса, обнищания населения. Охарактеризованы процессы нивелирования финансовой свободы в плоскости взаимодействия рыночных субъектов, государства и финансовых институтов. Доказана рискованность патерналистского участия государства в операционной активности рыночных субъектов, которая в долгосрочной перспективе может привести к уничтожению предпринимательской инициативы и формированию субъекта, исключительно зависимого от государственного и кредитного финансирования жизнедеятельности. Показано, что разрушение базовых институтов, которые создавали основу финансовой свободы западного образца, и актуализация индивидуализированных паттернов социализации и профессионального поведения приведут к тому, что стремление к социальной устойчивости приемлемого среднего уровня будет доминантой операционной активности; его обеспечения будет происходить в прозрачном пространстве государственно-финансовой циркуляции ликвидности.

Ключевые слова: экономическая свобода, финансовая свобода, коронакризис, кредитование домохозяйств, государственная финансовая помощь.

Корнивская Валерия Олеговна (vkornivska@ukr.net), д-р экон. наук; старший научный сотрудник ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины". ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0404>

Цитирование: Корнивская В. О. Финансовая несвобода в новом обществе. *Экономическая теория*. 2021. № 1. С. 41–66.

© В. Корнивская, 2021

ISSN 1811-3133. *Экономическая теория*. 2021. № 1: 41–66 **41**

FINANCIAL LIBERTY IN THE NEW SOCIETY

Valeria Kornivska, Doctor of Economics, Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0404>. E-mail: vkornivska@ukr.net

The article presents the results of a study on the problems of leveling economic freedom and, as its component, financial freedom in the process of formation of a new society. Given the asymmetry of the information space in which economic freedom develops, the article proves that it can not be just a set of mechanisms for the realization of interests, but rather an extensive system of ideas, principles, traditions, and rules of economic activity and requires a certain institutional structure for formation and development, which consists of certain levels, the first of which are the institutions of initial socialization (family), institutions of operational activities (institutions of qualification, professional environment, financial institutions, etc.), and the highest level is the state. At the same time, it is shown that in modern conditions the crisis distortion of the subjective desire for freedom continues and evolves due to the transformation of the institutional structure of its formation and development, which occurs at all levels as a result of ongoing crises, socio-economic destabilization, and middle class erosion. The author describes the processes of leveling financial freedom as to the interaction of market entities, the state and financial institutions. The risk of paternalistic participation of the state in the operational activities of market entities is proved, which in the long run may lead to the destruction of entrepreneurial initiative and emergence of an entity exclusively dependent on government and credit financing of life. It is shown that the destruction of basic institutions, which created the basis of financial freedom of the Western model, together with the actualization of individualized patterns of socialization and professional behavior will lead to situation where the desire for social stability of an acceptable middle level will be the dominant of operational activity. And its provision will take place in a transparent space of public and financial liquidity circulation.

Key words: economic freedom, financial freedom, corona crisis, household lending, state financial aid.

Милтон Фридман как экономический философ и один из главных исследователей экономической свободы в XX веке посвятил свою основополагающую, решающую работу "Капитализм и свобода" своим детям, которым, как ему казалось, придётся "нести факел свободы на следующем круге" (Фридман, 2006). Но был ли он прав? Будут ли последующие поколения ценить экономическую свободу и найдут ли в себе силы отстаивать её? Более того, является ли она необходимым и достаточным элементом эволюционной способности современного общества?

С другой стороны, стоит ли сегодня говорить об экономической свободе в мире, где "глобализированный патримониальный капитализм" (Пекетти, 2016) привёл к неслыханному росту неравенства, к существованию абсолютно свободных богатых рыночных субъектов и тех, для кого экономическая свобода как способ экономического бытия уже давно потеряла свой смысл из-за нищеты и бедности? Сегодня свобода быть богатым и свобода быть бедным выглядит как насмешка, а единственным выходом становится "контроль над капитализмом"

(Пекетти, 2016. С. 581). Но осознавая реалии сегодняшних процессов обуздания произвола капитализма и борьбы с неравенством, в который раз убеждаемся, что это контроль не над богатыми, а над бедными. Поэтому ещё раз обратимся к проблематике экономической свободы.

Тот мир, в котором общество западного образца жило практически три столетия, подвергается сегодня существенной ревизии. Расширенный порядок человеческого сотрудничества, иначе – капитализм (Хайек, 1992. С. 15), с его разветвлённой системой эмиссии, использования и передачи информации, бесчисленным количеством потребностей и бесконечным разнообразием обменов, достиг высшей степени сложности. Первые модусы капиталистического общества, несмотря на жёсткие социально-экономические противоречия, которые возникали в процессе его формирования, демонстрировали наличие механизмов естественной, рыночной настройки этого многоголосного социально-экономического организма, – срабатывала "невидимая рука" Адама Смита как результат экономической свободы. Сегодня информационный профицит и растущая неопределённость требуют использования других механизмов упорядочивания общества и экономики: выравнивания, унификации взаимодействия и обменов, представляющих его, при этом основополагающее значение экономической свободы подвергается сомнению.

Что представляет собой экономическая свобода, какие её основные характеристики? Во-первых, это исторический феномен, его наиболее последовательное обоснование принадлежит пропагандисту экономической свободы и гениальному исследователю Ф.А. Хайеку. Эволюционная способность цивилизации зависела от формирования надындивидуальных схем сотрудничества, которые требовали изменений "инстинктивной реакции на других людей" (Хайек, 1992), ограничивали её, одновременно создавая единые правила взаимодействия. Хайек писал, что, "относясь к этим ограничениям с такой неприязнью, мы, тем не менее, выбрали их сами; скорее, это они выбрали нас: они позволили нам выжить" (Хайек, 1992. С. 28–29). Так формировались природные неформальные, а потом формальные установки, правила, институты, которые воспитывали субъекта, создавали базу для его социального и экономического бытия. Во-вторых, выделяясь из мира правил и установок, стремление достигать максимума экономического эффекта от производственной и торговой активности направляло деятельного субъекта к выходу за пределы установленных ориентиров, и его реальные достижения доказывали саму возможность такого выхода, которая и являлась первым проявлением экономической свободы.

Ф.А. Хайек в своей работе "Пагубная самонадеянность" писал: "... основы собственно современной цивилизации были заложены в античном Средиземноморье".

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2021. № 1

морье. Здесь оказались возможными торговые связи между достаточно удалёнными друг от друга регионами; и общины, позволявшие своим членам свободно применять их индивидуальные знания, получали преимущество перед общинами, где деятельность каждого определялась тем, что знали все живущие в данной местности, или знаниями правителя. Насколько нам известно, именно в Средиземноморье отдельная личность впервые получила право самостоятельно распоряжаться в узаконенной сфере частной жизни" (Хайек, 1992. С. 53). Так зародилась свобода предпринимательства как составляющая эволюционной способности западного общества: свобода принимать самостоятельные экономические решения на основе своих знаний и быть ответственными за них, соблюдая правила институциональной среды (или выходя за их пределы), установленные обычаем и государством.

Связь *институты – экономическая свобода* имеет глубинное, историческое значение, она *обеспечивала целостность и развитие экономических систем на длинных промежутках времени*. Экономическая свобода изначально существует как биологическая способность человека действовать самостоятельно, развивается в процессе его социализации в малом круге взаимодействия (племени, семье), кристаллизуется в условиях активной деятельности, заданной границами правил и ограничений социума, но проявляется в полной мере только когда цели субъектного и общественного экономического развития обнаруживают необходимость выхода за пределы установленных принципов экономической активности, а сознание субъекта достигает уровня понимания экономических эффектов от такой его инновационной деятельности. Субъекты-новаторы, зная об институциональных ограничениях, одновременно преодолевают их, выходя в пространство экономической свободы, расширяя его, создавая прецедент для других новаторов, ведь именно в этом развитии и состоит *эволюционная способность*. Экономическая свобода, как дыхательная система организма, формирующаяся, когда человек находится ещё в утробе матери, но развивающаяся в полной мере только в момент рождения, когда от её полноценной работы зависит сама жизнь.

Формирование связи *институты – экономическая свобода* начинается на первоначальных этапах воспитания, в семье. У Фридмана в книге "Капитализм и свобода" (2006. С. 35) есть важный учредительный тезис: "как либералы, при оценке социальных институтов мы исходим из свободы индивида, или, может быть, семьи как нашей конечной цели". Свобода индивида формируется в контексте его первоначальной интегрированности в систему базовых связей в семье, которые, сначала ограничивая его собственную свободу, дают основу для социальной свободы на более высоких уровнях, при этом: "свобода обретает цен-

ность только в отношениях между людьми: для Робинзона Крузо, сидящего на пустынном острове без Пятницы, она лишена всякого смысла" (Фридман, 2006. С.35).

Свобода получает цивилизационную ценность как часть процессов социализации, которые первоначально возникают в семье, развиваются в профессиональном пространстве, самого высокого уровня достигая в династическом бизнесе¹, который создаёт базис социоинституциональной среды, формирует профессиональные ценности, создаёт неформальные деловые ограничения, питает пространство эффективной, доверительной, творческой экономической атмосферы, задавая тон делового общения в долгосрочном контексте. Экономическая свобода – это феномен взаимодействия, общественный феномен, исторический феномен, который предполагает преемственность, следовательно, имеет долгосрочный характер². Она оптимизирует экономическую активность субъекта не только в связи с собственными потребностями, но и потребностями ближайшего окружения, коллектива, общества, используя ту самую "невидимую руку", обеспечивающую взаимодействие субъектов, делающую её наиболее эффективной. В то же время, как организуется этот процесс при неполноте и асимметричности информации об операционной активности других субъектов рынка; как совместить разнонаправленные интересы акторов, реализующих экономическую свободу? Используя исключительно координаты рациональности, добиться искомого результата невозможно, скорее, это может привести к крайнему оппортунизму и бифуркации. Поэтому в этом контексте следует принимать во внимание, что в условиях информационной асимметрии при наличии институциональных ограничений деятельности и заданных целей субъекты действуют *не только рационально, взвешенно, но интуитивно, на основе традиции* (Хайек, 1992. С. 29). Естественно, что при таких условиях экономическая свобода общества асимметричной и неполной информации не может быть плоским набором механизмов реализации интересов, это разветвлённая система взглядов, принципов, традиций, она требует институциональной структуры для формирования и развития, состоящей из определённых уровней, первый из которых – это институты первоначальной социализации (семья), институты операционной активности (институ-

¹ Подробнее см. Корниевская В. Информация как фактор доверия. В кн.: *Доверие в институциональной архитектонику экономического пространства-времени*. Киев. Знание Украины. 2020. 550 с.

² Для нашего дальнейшего анализа это исключительно необходимый тезис, поскольку удовлетворение индивидуальных краткосрочных потребностей вопреки долгосрочным интересам – это искажение экономической свободы.

ты получения квалификации, профессиональная среда, финансовые институты и т.д.), самый высокий уровень – государство.

Наиболее точную характеристику экономической свободы в контексте баланса взаимоотношений государство – субъект дал Милтон Фридман: "Свободный человек не будет спрашивать ни о том, что может сделать для него его страна, ни о том, что он сам может сделать для своей страны. Вместо этого он спросит: "Что я и мои соотечественники можем сделать с помощью государства" для того, чтобы нам легче было выполнять свои индивидуальные обязанности, добиваться своих отдельных целей и прежде всего защищать нашу свободу?" (2006. С. 25). В рыночной экономике государство – это создатель институциональной среды для эффективной реализации экономических интересов свободных, деятельных рыночных субъектов, которые ставят экономическую свободу во главу угла и готовы её отстаивать.

Характеризуя особенности рыночной организации экономической деятельности в условиях реальной свободы взаимного обмена, Фридман доказывал, что в основном она не позволяет вмешиваться в деятельность другого; она даёт людям то, чего они хотят, а не то, что они должны хотеть по мнению другой группы. При этом рынок сужает круг вопросов, которые должны решаться политическими методами, и предполагает большое разнообразие (Лисичкин, 1990. С. 16–17). И главное: рынок – это способ экономического бытия недискриминационного общества, в котором "безличный рынок отделяет экономическую деятельность от политических взглядов и ограждает людей от дискриминации в их экономической деятельности по причинам, не имеющим никакого отношения к их производительности – связаны ли эти причины с их взглядами или с их цветом кожи" (Лисичкин, 1990, С. 24).

Свобода Хайека и Фридмана имеет идеальное лицо, основанные на ней принципы экономической и политической организации доминировали в истории западного общества, по мнению самого же Фридмана, лишь трижды, в период "греческого золотого века, начальных дней римской эры" и в конце XIX – начале XX века (Лисичкин, 1990. С. 10). При этом эффективное государство западного образца никогда не предполагало полного невмешательства.

Но laissez-faire как принцип, стремление, цель всегда присутствовал в экономическом сознании, формировал субъекта, его ценностно-институциональное наполнение, создавал систему противовесов, поддерживал социальную устойчивость и социальную мобильность. Как показал Фридман, даже в советском обществе были признаки неразвитой, искажённой, но экономической свободы – в виде подсобного хозяйства, нелегальных заработков ("шабашки"), которые определённым образом нейтрализовали недо-

статки распределения в советской экономике. Несмотря на современное активное формирование цифрового тоталитарного государства в Китае, экономическая свобода до последнего времени ещё наполняет ценностные основы китайской экономики, которая благодаря прорывным, основополагающим, формирующим долгосрочную устойчивость реформам вышла на чисто китайский путь экономической свободы, не похожий на западный, с осознанием более глубокой роли государства, но всё же путь свободы³.

В то же время в современных условиях продолжается кризисное искажение субъектного стремления к экономической свободе, при этом имеющиеся технологические возможности её ограничения, развивающиеся в условиях цифрового общества, дают основания считать, что важнейшее значение экономической свободы не только как составляющей экономических ценностей, но и как эволюционной способности общества, постепенно нивелируется. Попробуем аргументировать этот тезис на примере финансовой свободы.

Неотъемлемой составляющей экономической свободы является финансовая свобода – более узкое понятие, характеризующее определённый род экономических отношений. И тем не менее именно её деструкция, как результат трансформации институциональной структуры её формирования и развития, ведёт к кардинальной перестройке глубинных экономических основ рыночного общества в условиях становления информационно-сетевой экономики.

Обеспечение экономической свободы в заданной институциональной среде как принятие самостоятельных предпринимательских решений (без рыночного давления других субъектов) невозможно без соответствующего ей уровня финансовой свободы.

Существующая научная дискуссия по этому поводу насчитывает много работ, которые можно объединить в следующие основные направления исследований: финансовая свобода индивидов, финансовая свобода предприятий⁴, свобода финансовых институтов. В этой работе нас больше будет интересовать финансовая свобода индивидов и свобода финансовых институтов.

Финансовая свобода индивидов означает, что человек обладает достаточным количеством финансовых средств для свободного социального и экономического бытия, он свободен в выборе профессии, не боится потерять работу, уве-

³ Основные элементы и ступени развития китайского варианта экономической свободы показаны в работе Дж.Й. Линь "Демистификация китайской экономики".

⁴ Финансовая свобода предприятий – важный объект анализа, который следует рассматривать именно сейчас: в условиях растущего монополизма, активизации такого инструмента международного влияния, как санкции, цифровой трансформации производства и других факторов, которые всё чаще исключают свободу из системы экономических координат. В то же время она требует несколько иного аналитического инструментария.

рен в завтрашнем дне и может позволить себе реализовать любые планы и мечты⁵. Выделяются уровни финансовой свободы: 1) преодоление стереотипа жизни "от зарплаты до зарплаты"; 2) наличие средств на случай непредвиденной потери работы; 3) распределение средств не только на расходы, но и для накопления; 4) достаточно свободного времени, следовательно, заработок не является главной целью в жизни; 5) формируются пенсионные сбережения; 6) пенсионные сбережения обеспечат достойную жизнь на протяжении длительного времени; 7) высокий уровень потребления и накопления, дающий возможность передать наследство (Rae, 2019). Это подходы к финансовой свободе индивидов как к совокупности экономических и социальных стремлений и финансовых механизмов их достижения, *обеспечивающих социальную устойчивость и социальную мобильность*⁶. В то же время на сегодняшний день они не являются авангардом представлений по проблематике финансовой свободы из-за влияния эмпирико-прагматической составляющей финансового бытия, основанной на представлении о свободе финансовых институтов.

Чаще всего в исследованиях свобода финансовых институтов рассматривается как экономическая свобода на финансовых рынках и ассоциируется с дерегулированием, обеспечивающим минимизацию государственного вмешательства в финансовые процессы. Анализируется её влияние на операционную активность финансовых учреждений, их устойчивость к кризисным ситуациям (Baier, Clanc, Dwyer, 2012; De Haan, Sturm, Zandberg, 2009). Одним из механизмов, благодаря которым осуществляется влияние экономической свободы на процессы роста, является кредитование. Такие теоретические постулаты были положены в основу расчёта уровня финансовой свободы. Понятие "финансовая свобода" преимущественно используется для оценки процессов развития банковской системы страны во взаимосвязи с государственным регулированием.

По методологии оценки экономической свободы Heritage Foundation, финансовая свобода является "показателем эффективности банковской деятельности, а также степени её независимости от государственного контроля и вмешательства в финансовый сектор"⁷. Имеется в виду, что именно минимальное госу-

⁵ Определение финансовой свободы в Системе управления личными финансами. URL: <https://easyfinance.ru/my/wikiwrapper/finansovaya-tsel-i-ffinansovaya-svoboda>

⁶ Социальная устойчивость достигается ввиду наличия необходимых ресурсов для осуществления экономической деятельности, воспроизводства рабочей силы, обеспечения личного развития.

Социальная мобильность реализуется через доступ различных слоёв населения к финансовым средствам, позволяющим получить качественное образование, профессиональную реализацию и подняться на более высокую ступень в социальной структуре общества.

⁷ Heritage Foundation. URL: www.heritage.org/index/financial-freedom

дарственное участие в собственности и регулировании создаёт основы свободной конкуренции, предотвращает монополизацию, формирует эффективные условия предоставления финансовых услуг. Главные критерии такого конкурентного финансового пространства: кредит выделяется на рыночных условиях; правительство не владеет финансовыми учреждениями; банки могут предоставлять кредиты, принимать депозиты и осуществлять операции в иностранной валюте; иностранные финансовые институты оперируют так же свободно, как и отечественные учреждения.

По методологии оценки экономической свободы Economic Freedom of the World американского исследовательского центра Института Катона (Cato Institute) в анализ экономической свободы, наряду с другими показателями, включается оценка регулирования кредитного рынка: структура банковской собственности – удельный вес депозитов, находящихся в частных банках; конкуренция в банковской системе – присутствие на внутреннем рынке зарубежных банков, конкурирующих с отечественными; отсутствие регулирования процентных ставок; размеры кредита – удельный вес кредитов, предоставленных частному сектору⁸. Понятие о свободе финансовых институтов повлияло и на трансформации традиционных представлений о финансовой свободе индивидов, включив в неё кредитную составляющую.

Активизация кредитования домохозяйств во второй половине XX века сначала в США, затем в Европе, как часть политики демократизации финансов, обусловила рутинизацию этого процесса как неотъемлемой части экономического и социального бытия домохозяйств. Поэтому понятие финансовой свободы субъекта до последнего времени рассматривается как достаточность финансовых ресурсов для обеспечения его потребностей, при недостаточности собственных ресурсов предусматривается получение кредитов по приемлемой ставке. Сегодня это наиболее влиятельный и распространённый взгляд на проблематику финансовой свободы, сформированный банковскими учреждениями, которые активно участвуют в укоренении финансовой грамотности, проводя соответствующие семинары, усиливая финансовую вовлечённость клиентов под лозунгом: "Кредиты. Разумный путь к финансовой свободе"⁹. Основные причины роста финансовой инклюзии и её риски были показаны в предыдущих работах (Корнівсь-

⁸ Economic Freedom of the World. URL: <https://www.cato.org/economic-freedom-world>

⁹ Кредиты. Розумний шлях до фінансової свободи. URL: <https://alfabank.ru/study/credits/>; Інтернет-банкінг – новий ступінь фінансової свободи. URL: https://globusbank.com.ua/ua/internet-banking_novaya_stepen_finansovoy.html; Уважність на варті фінансової свободи. URL: <https://about.pumb.ua/presscenter/news/item/5671-uvazhnstj-na-vart-finansovo-svobodi>.

ка, 2020). Сейчас лишь скажем, что свобода финансовых институтов сегодня активно защищается новейшими технологиями и государственным институциональным влиянием. Однако расширение пространства свободы финансовых институтов означает одновременное сужение пространства свободы других рыночных субъектов. За ростом кредитования всегда наступает рост долга; а если этот долг превышает возможности его обслуживания и своевременного погашения, возникает противоположная ситуация – сокращение финансовой свободы и уменьшение альтернатив экономической и социальной реализации.

Основываясь на методологии А. Гриценко (2016), финансовую свободу следует рассматривать как противоречивое единство независимости (принятия решений экономического и социального характера без финансового участия и влияния других субъектов) и зависимости от внутренней сущности субъекта, принимающего решение. "Независимость появляется как первое отрицание зависимости, поэтому она исходит из зависимости, отталкивается от неё, несёт в себе её характеристики и черты. Иначе говоря, независимость сама является зависимой от зависимости" (Гриценко, 2016. С. 12). При этом внутренняя сущность субъекта определяется совокупностью его ценностных установок, институциональных ограничений и статусных целей долгосрочного характера, которые представляют собой составляющую его социальной устойчивости в условиях внешних вызовов. Например, финансовая свобода проявляется в тот момент, когда, несмотря на активную рекламную компанию банковских учреждений, субъект правильно рассчитывает свои финансовые возможности, принимает во внимание желания семьи, долгосрочные цели, связанные с воспитанием детей, и не соглашается на потребление в кредит и т.п. Интересно, что искажение финансовой свободы меняет саму *сущность субъекта*. Об этом в свое время писал Г. Форд: "Настоящим источником финансирования промышленного предприятия является фабрика, а не банк. Этим я не хочу сказать, что делец не должен ничего понимать в финансах. Но все-таки лучше, чтобы он понимал в них слишком мало, чем слишком много, потому что, если он слишком много понимает в финансовых вопросах, он может легко поддаться соблазнительной мысли, будто занимать деньги лучше, чем наживать их, и не успеет он оглянуться, как ему придётся занимать ещё большую сумму денег, чтобы выплатить прежние кредиты, *и вместо того, чтобы быть солидным дельцом, он сделается банкнотным жонглером*" (курсив мой) (Форд, 1989).

Степень финансовой свободы зависит от долгосрочного соотношения доходов и расходов, обуславливающего долгосрочные бюджетные ограничения, а также субъектный выбор альтернатив финансового поведения (Корнивская, 2019. С. 229). Основой финансовой свободы в рыночном обществе явля-

ется свобода денежного обращения, накопления и эффективный инвестиционный процесс, на поверхности экономических явлений она проявляется в социальной устойчивости и социальной мобильности, роль государства сводится к созданию условий стабильного экономического развития и соответствующей экономико-институциональной среды. При этом приоритет конкуренции предусматривает преимущественно косвенное государственное участие в финансовой деятельности субъектов рынка (через налоги).

В современных условиях продолжается искажение финансовой свободы на каждом уровне институциональной структуры её формирования и развития. Начнём с самого высокого уровня – государства.

Современный глобальный кризис показал новое качество взаимосвязи государства и субъекта: растущее финансовое участие государства в жизнедеятельности рыночных субъектов в условиях укоренения проблем бедности и размывания среднего класса.

Сегодня мы являемся свидетелями не только предельной мобильности распространения эпидемиологического, медицинского, экономического, финансового и политического шока в мировой системе координат, но и беспрецедентности реакции государств на кризисные условия, – повсеместные локдауны продемонстрировали негибкость государственной политики, хрупкость экономических связей и отсутствие кризисного иммунитета у большинства рыночных субъектов, которые обнаружили значительную экономическую несамостоятельность, обусловленную растущей бедностью. Финансовая свобода, основанная на эффективных долгосрочных сбережениях, показала свою ограниченность и явную повреждённость.

Как оценить масштабы мировой финансовой несвободы? Сначала простым подсчётом лиц, получивших государственную финансовую помощь в течение локдаунов, вызванных коронакризисом. В 2020 году более 3,7 млрд человек (чуть меньше половины населения планеты) и 500 млн микро-, малых и средних предприятий во всем мире получили государственную поддержку. По данным МВФ, по состоянию на сентябрь 2020 года общие объёмы мировой государственной поддержки реального сектора экономики (предприятий и физических лиц) составили 11,7 трлн долл., 12% ВВП (White, Madgavkar, Sibanda et al., 2021). Это свидетельствует о чётком осознании государственных органов, что возможность справляться самостоятельно с кризисными колебаниями у населения предельно мала, а накопления на случай чрезвычайных ситуаций мизерные. Деструкция накопления сегодня проявляется не только в недостаточности объёмов "финансовых подушек безопасности", даже в богатых государствах с относитель-

но устойчивым средним классом наблюдаются растущие проблемы с пенсионными накоплениями, с накоплениями для будущих поколений.

О чём говорят эти цифры? Лишь о том, что половина населения планеты сегодня требует государственного финансирования своей жизнедеятельности, поскольку деструкции процессов накопления в условиях растущей неопределённости, частых кризисов и углубления социально-экономической несбалансированности укоренили проблемы бедности, социальной неустойчивости и отсутствия социальной мобильности на долгие годы.

Данные американской страховой компании Northwestern Mutual усиливают эту аргументацию¹⁰, доказывая, что не только среди малоимущего населения растут проблемы неопределённого социального будущего: 78% американцев "существенно" или "несколько" обеспокоены обеспечением комфортного выхода на пенсию, две трети считают, что сделанных сбережений не хватит на достойную пенсионную жизнь. Каждый пятый американец (21%) вообще не имеет накопленных пенсионных сбережений. Исследование также показало, что опасения относительно финансовой безопасности на пенсии заставляют людей работать дольше. Сегодня значительное количество работающих американцев планируют выход на пенсию в 70 лет и старше (38%). Среди 55% американцев, которые считают, что придётся работать после достижения 65-летнего возраста, 73% основной причиной назвали недостаточность денег, чтобы комфортно выйти на пенсию. Для тех, кто планирует работать после 65 лет, располагаемый доход (55%) и профессиональное удовлетворение (54%) были почти равными мотиваторами. Это существенный контраст с результатами исследования 2015 года, где основным фактором было получение удовольствия от карьеры (66%), а затем интерес к дополнительному доходу (60%). Последний тезис также наводит на мысль о том, что продолжаются существенные трансформации социоиноституционального пространства западного общества, проявляющиеся в сдвигах в мотивациях профессиональной реализации, что становится всё более зависимой от факторов финансового характера, доминирование которых расширяет границы растущей финансовой несвободы.

Среда американского среднего класса всё больше подвергается опасности нестабильности не только долгосрочного, но и краткосрочного будущего. Исследование, проведённое в 2017 году, показало, что 40% американцев не могут покрыть непредвиденные расходы даже в размере 400 долл. (Rae, 2019).

¹⁰ 1 In 3 Americans Have Less Than \$5,000 In Retirement Savings. 2018. Northwestern mutual. URL: <https://news.northwesternmutual.com/2018-05-08-1-In-3-Americans-Have-Less-Than-5-000-In-Retirement-Saving>

Как справедливо отметила Энн Хелен Петерсен (*Petersen, 2020*), "сорок лет назад термин "средний класс" обозначал американцев, которые успешно достигли американской мечты: стабильный доход одного или двух работников в семье, дом и безопасность на будущее. Это означало возможность *хранить и покупать активы* (курсив мой). Сейчас это в основном означает возможность обслуживания своих счетов и собственного долга. Стабильность, которая характеризовала средний класс, что сделала его столь желанной и амбициозной составляющей американского существования, была уничтожена".

Социальная устойчивость нынешнего поколения и социальная мобильность будущих становятся всё более призрачными в условиях глубинных трансформаций финансовой культуры. В работе 2012 года (*Корнівська, 2012*), характеризующая трансформации финансового поведения украинских потребителей, было показано, что "развитие финансовых отношений сопровождалось в Украине параллельным распространением особой финансовой культуры, особого способа мировосприятия, особой культуры потребления, которые вращались в общественное пространство, трансформируя его базовые ценности. Так, демонстративная "статусная" культура потребления зажиточного класса, экстраполируясь в общественную среду, предопределяла повышенный спрос на роскошь со стороны представителей среднего класса и лиц с доходами ниже среднего, стимулируя безответственное потребление в кредит". Но, как видно, такая же ситуация была характерна и для американцев – представителей среднего класса, когда в условиях роста затрат качественной жизни при неизменных доходах они были вынуждены увеличивать кредитную составляющую потребления для поддержания высоких стандартов базовых услуг.

Сегодня большая часть ежемесячной зарплаты представителей американского среднего класса распределяется на расходы первой необходимости, связанные с содержанием семьи. В 2019 году на личные расходы и на здравоохранение средний класс тратил около 49000 долл. в год. Аренда отнимает более 30% доходов, астрономическими являются объёмы денежных расходов на ребёнка. Например, в штате Вашингтон, который занимает девятое место в США по этому виду расходов, уход за младенцем и за детьми до 4-х лет составляет в среднем 25605 долл. США в год, или 35,5% среднего дохода семьи. Эти обстоятельства привели к тому, что в марте 2020 долг домохозяйств достиг 14,3 трлн долл. США – самого высокого показателя со времён финансового кризиса 2008 года, когда он был на уровне 12,7 трлн долл. В первом квартале 2020 года средний заём на новый автомобиль составлял рекордную сумму 33738 долл. США, при этом средний ежемесячный платёж составлял 569 долл. США (средняя плата за поддержанную машину составляет 397 долл. США). Общие объёмы долга по

студенческой ссуде составляют 1,5 трлн долл., средняя долговая нагрузка на человека – 32731 долл. (Petersen, 2020).

В общем, как показывает последнее исследование долговой нагрузки домохозяйств, если в конце Второй мировой войны для американских домохозяйств коэффициент DTI (соотношение долга и дохода) был на уровне 30%, то после последнего финансового кризиса показатель достиг 120%. (Bartscher, Kuhn, Schularick, 2020).

Энн Петерсен задаёт справедливый вопрос, почему же представители среднего класса просто не ограничат свои расходы? Отвечая на него, она приходит к выводу, что в основе необоснованной активизации потребления лежит тяжёлая, непонятная проблема идентичности американского среднего класса и психологических и социальных изломов, связанных с её потерей. "Если вы были бедным, но стали средним классом, отмена этого статуса для вас невозможна; если ваши родители годами работали, чтобы войти в средний класс, падение с этого уровня потребления будет сопровождаться большим стыдом". При этом "легко доступный кредит облегчает наши худшие привычки, нашу удобную ложь" (Petersen, 2020).

В то же время это не проблема американского финансового поведения как составляющей идентичности – это глобальная проблема отказа от финансовой свободы в современном мире, в котором домохозяйства готовы потерять не только остатки социальной мобильности, но и социальной устойчивости для решения проблем *краткосрочного потребления*, всё больше укореняя в своём сознании финансово-ориентированные паттерны.

Глобальная проблема нивелирования накопления в условиях возрастания роли кредита подтверждается данными Всемирного банка. Предоставленные ещё до коронакризиса (рис.), они доказывают, что сегодня продолжаются существенные трансформации в сфере накоплений: по состоянию на 2019 год они были на уровне 24,587% ВВП, что соответствует показателю 1996 года. Максимальное значение 26,669% ВВП было достигнуто в 2006 году, после этого колебательные, преимущественно нисходящие, тенденции.

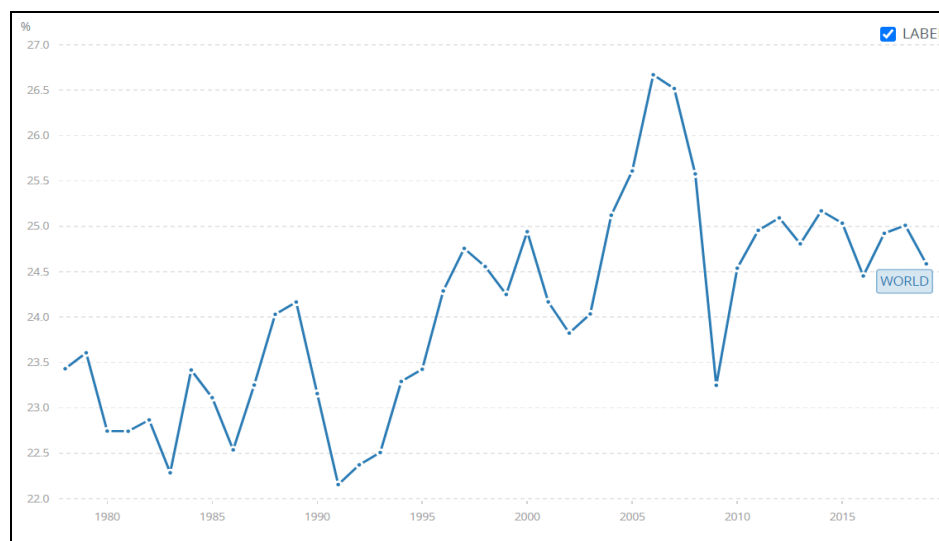

Рисунок. Мировой уровень накоплений, % ВВП

Источник: Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNS.ICTR.ZS>

2020 год вынужденно улучшил ситуацию с накоплениями населения из-за локдаунов. Так, агентство Блумберг считает существенными эти накопленные средства, которые могут быть использованы как источник посткризисного восстановления. Больше всего средств сохранили потребители в странах с высоким уровнем жизни, которые пережили несколько жёстких карантинных ограничений. К таким странам относятся США, Китай, Великобритания, Япония и крупнейшие страны еврозоны (Германия, Франция, Испания, Италия). В Китае – 2,8 трлн юаней (430 млрд долл.), в Японии – 32,6 трлн иен (300 млрд долл.), в Великобритании – 117 млрд ф. ст., Германии – 142 млрд евро, Франции – 125 млрд евро, Испании – 66 млрд евро, в Италии – 54 млрд евро. Более половины от всех дополнительных потребительских накоплений в сумме 2,9 трлн долл., образовавшихся в ходе пандемии, приходится на США – 1,5 трлн долл. В США потребители получали прямую финансовую помощь от правительства в виде чеков каждому совершеннолетнему гражданину: на 1200 долл. весной 2020 года и на 600 долл. – в декабре 2020 года. Кроме того, сейчас в США готовится третий раунд правительственной помощи населению, в ходе которого граждане получают чеки ещё на 1400 долл.¹¹ В этом контексте следует принимать во внимание, что уровень долгов домохозяйств США по состоянию на 1 квартал 2020 составил 14,15

¹¹ Потребители скопили \$3 трлн за время пандемии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4712480>.

трлн долл. Поэтому считать средства в сумме 1,5 трлн долл. существенным источником посткризисного восстановления вряд ли стоит.

Рассматривая признаки потери экономической и финансовой свободы (из-за бедности, из-за роста кредитной составляющей потребления) в контексте общего глобального трансформационного процесса с его важной составляющей – доминантой краткосрочной временной парадигмы и нивелированием базовых общественных и экономических институтов, складывается впечатление о необратимости этого процесса, если институциональная среда его не замедлит. В то же время институциональная среда сама находится в глубоком трансформационном процессе, при этом развиваются патерналистские элементы взаимодействия между государством и рыночными субъектами, что, по справедливому выражению Хайека, является дорогой к рабству.

Современный научный дискурс по поводу этой проблематики нацелен на обоснование необходимости создания *постоянно работающих* цифровых систем государственной поддержки населения и малых предприятий в условиях частых кризисов различной этиологии (White, Madgavkar, Sibanda et al., 2021). При этом считается, что государственная финансовая помощь становится необходимым атрибутом экономической активности, по этому поводу ведутся активные исследования. Научное сообщество интересуется эффективностью государственных программ помощи и факторы технологического и институционального характера, которые ей способствуют.

Анализ 12 программ государственных выплат физическим лицам, а также малым и средним предприятиям (White, Madgavkar, Sibanda et al., 2021) в таких странах, как Сингапур, Великобритания, США, Бразилия, Индия, Нигерия, Того, показали, что их эффективность обусловлена наличием: цифровых платёжных каналов, базовой системы цифровой идентификации с широким охватом населения, данных о физических лицах и предприятиях, которые привязаны к ID. Если все эти элементы присутствовали в финансовой инфраструктуре на уровне страны, то программы государственной помощи быстро разрабатывались и реализовывались, отсутствие какого-либо элемента идентификации значительно усложняло процессы предоставления фискальной поддержки. Сравнение эффективности государственных программ показало, что наиболее эффективными (вследствие использования всего спектра систем идентификации) были Сингапур и Великобритания. Сингапурская схема поддержки рабочих мест (Job Support Scheme, JSS) направила бюджетные выплаты на финансирование значительной части национальных малых и средних предприятий (МСП). Программа была внедрена в быстрой и упорядоченной форме, средства автоматически перечислялись ком-

паниям, которые отвечали требованиям, в размерах, рассчитанных на основе фонда оплаты труда, без необходимости подачи заявки. Это стало возможным благодаря системе цифровых удостоверений "Corp Pass", назначающей уникальный идентификатор компаниям, которые платят налог на заработную плату работников, и информация о которых содержится на правительственном портале *my Tax*. Схема сохранения рабочих мест (Job Retention Scheme, JRS) в Великобритании использовала систему сбора налога на прибыль и национального страхования Pay-As-You-Earn (PAYE). Программа имела целью покрыть до 80% заработной платы работников. Она охватила всех работодателей, зарегистрированных в PAYE, в неё было привлечено около 28 млн работников, что составляет более 80% общенациональной занятости. Справочный номер PAYE включал предоставленные работодателем сведения о заработной плате и банковский счёт работника, что позволило упростить предоставление государственной финансовой помощи (White, Madgavkar, Sibanda et al., 2021). Таким образом, продолжается процесс активизации государственного финансового участия в операционной активности рыночных субъектов.

Сегодня оправданность этих шагов не подвергается сомнению: скорость распространения кризиса требовала соответствующей реакции государства, при этом искусственное приостановления экономической активности должно быть финансово компенсированным, а механизмы предоставления компенсации - максимально оперативным, цифровыми - для недопущения социальной дестабилизации. Беспрекословность необходимости использования этих механизмов особенно понятна в условиях обострения проблемы социальной защиты безработных, количество которых в условиях коронакризиса, как кризиса становления информационно-сетевой экономики, будет увеличиваться не только из-за локдаунов, но и из-за технологического высвобождения¹². Но это на первый взгляд. Уже есть исследования относительно эффектов такой прямой помощи в контексте стимулирования совокупного спроса. Так, работы популярного сегодня Раджа

¹² Несмотря на то, что продолжается рост сферы цифровизации, уменьшается потребность в персонале: из-за активизации онлайн обслуживания, использования искусственного интеллекта; на сегодня 80% коммуникаций с клиентами компании проводят в цифровом формате. Эти тенденции развиваются вследствие трансформации потребительского поведения, последний опрос McKinsey, проведённый в 13 странах, показал, что в 9 из 13 стран не менее двух третей потребителей заявляют, что делают онлайн покупки, 65% опрошенных намерены продолжать это делать. В США в июле 2020 года 33% розничных продаж – электронная коммерция, в Латинской Америке её доля удвоилась с 5 до 10% от общего объёма розничной торговли. Потребители в континентальной Европе покупают через Интернет, не с таким энтузиазмом, как в Великобритании и США, но наблюдаются тенденции роста, наибольшей активизации в этой области достигли Германия, Румыния и Швейцария (Sneider, Singhal, 2021).

Четти обращают внимание на такой нетривиальный факт: спрос на услуги малых и средних предприятий сегодня обеспечивается богатым классом, санитарные опасения которого влияют на его уменьшение и таким образом вызывают падение благосостояния представителей среднего класса. При этом Четти доказывает, что "финансовая помощь государства имела различные эффекты: в нижнем доходном квартиле действительно наблюдался всплеск потребления после дня общих выплат – сразу он составлял 26%, затем прирост стал постепенно сходить на нет. Для домохозяйств с высокими доходами эффект был существенно менее значимым – в верхнем доходном квартиле прирост потребления составил 9%. Основная часть расходов пришлась на товары длительного пользования, а не на контактные услуги. То есть эта мера не смогла смягчить удар кризиса для предприятий наиболее пострадавших секторов: деньги пошли в Amazon, Walmart и в другие крупные торговые сети, а не малому бизнесу в сфере сервиса. Таким образом, прямые денежные выплаты поддержали совокупное потребление, но не помогли наиболее пострадавшим бизнесам. В целом анализ показывает, что пока сохраняется опасность заражения, достаточно сложно восстановить потребления за счёт традиционных антикризисных мер" (Четти, 2020). Следовательно, конечными получателями государственной финансовой поддержки стали глобальные торговые платформы, которые вряд ли в ней нуждались.

Более того, неочевидным, но вполне возможным, результатом такой политики в долгосрочном периоде станут социоинституциональные риски, которые возникнут как результат укоренения государственного финансового вмешательства. Имеющаяся научная дискуссия наводит на мысль, что после активизации антикризисной государственной финансовой поддержки ожидается её рутинизация в условиях цифровой дестабилизации, высвобождения рабочей силы, развёртывания кризисных процессов.

Специалисты McKinsey даже подсчитали потенциальный экономический выигрыш от построения надёжной цифровой финансовой инфраструктуры для предоставления государственной помощи. Они считают, что эффект от применения базового и усовершенствованного цифрового удостоверения личности для широкого круга взаимодействий (между отдельными лицами и правительственными и неправительственными учреждениями) сейчас примерно на 20% больше, чем был до пандемии. До кризиса COVID-19 потенциальный экономический выигрыш до 2030 года оценивался в пределах 3–13% ВВП (White, Madgavkar, Manyika et al., 2019). В отчёте чётко показано: "Если бы такой повышенный уровень государственной поддержки сохранялся и после пандемии, общая *value of*

stake¹³ для этих стран составила бы 1,05–1,2 раза от уровня, который мы оценивали раньше. COVID-19 показал, что глобальные режимы локдаунов могут повториться в течение следующего десятилетия. Этот риск порождает потребность стран инвестировать в надёжную цифровую финансовую инфраструктуру" (White, Madgavkar, Sibanda et al., 2021). Таким образом, рассматривая ближайшее будущее не иначе, как нестабильное, кризисное, проводники цифровой финансовой инфраструктуры доказывают её незаменимость для поддержания устойчивости стран к кризисам, предупреждения крайней бедности, голода и неравенства. "Для поддержки бизнеса и частных лиц в потенциальных будущих кризисах, для обеспечения гибкости и скорости реагирования на дестабилизацию, для разработки и реализации программ финансовой помощи правительства должны обеспечить наличие трёх элементов надёжной финансовой инфраструктуры: цифровую идентификацию, цифровую финансовую инфраструктуру, свидетельство на основе ID" (White, Madgavkar, Sibanda et al., 2021).

Главным риском рутинизации государственной финансовой поддержки станет формирование искривлённой социоинституциональной среды, в которой субъект будет рассматриваться не иначе, как экономически несамостоятельная, зависимая единица, которая *требует перманентной прямой взаимосвязи с государством, дающим финансовые костыли, вместо формирования здоровой, устойчивой экономической среды для свободного предпринимательства.*

Насколько возможно государственное обеспечение развития такой здоровой среды содействия (прежде всего через налоговую политику), продемонстрируют цифры о состоянии государственных бюджетов ведущих стран. Беспрецедентная фискальная поддержка повсеместно вызвала бюджетные дисбалансы. Масштабы фискальной реакции на кризис COVID-19 были втрое больше, чем в течение финансового кризиса 2008-2009 годов. В 2021 году, второй раз за всю историю, государственный долг США превысит объёмы экономики страны. В Китае финансовый стимул в размере 500 млрд долл. увеличил бюджетный дефицит страны до 3,6% ВВП. В Великобритании долг вырос до более 2 трлн ф. ст., что является рекордным показателем и превышает ВВП. В еврозоне совокупный дефицит бюджета в октябре 2020 года составлял 11,6% ВВП по сравнению с 2,5% в первом квартале 2020 года; общий долг достиг рекордных 95% ВВП. Япония имеет самый высокий в мире показатель долга к ВВП – более 200%. Выплаты

¹³ Ценность, которую цифровой продукт может создать как для отрасли, так и для общества в целом. Див.: Introducing value at stake: a new analytical tool for understanding digitalization. WEF. URL: <https://reports.weforum.org/digital-transformation/introducing-value-at-stake-a-new-analytical-tool-for-understanding-digitalization/>

долгов из 73 бедных стран заморожены (Sneader, Singhal, 2021). Долг Испании достиг самого высокого за последние 100 лет уровня, из-за пандемии страна в 2020 году увеличила его на 112,4 млрд евро. Это почти эквивалент годовых расходов на пенсии в стране. Отношение долга к размеру экономики возросло с 95,5% в 2019 году до 117,1% в 2020 году, это означает, что каждый из 46,9 млн граждан страны фактически имеет долг 27900 евро, который превышает средне-годовую зарплату в Испании, составляющую 27500 евро¹⁴. Следовательно, надеяться на долгосрочное налоговое содействие бизнесу при таких условиях не приходится, в то же время потребность нарастает – так, в Соединённых Штатах произошло крупнейшее с 1947 года сокращение производственного потенциала, выручка малого бизнеса сократилась на 30% (Sneader, Singhal, 2021).

В таких условиях прямая финансовая взаимосвязь между государством и рыночными субъектами для оказания эпизодической помощи при крайней нужде станет скорее правилом, чем исключением, а если такие тенденции будут императивом, то будет означать ещё один шаг к обществу, в котором экономическая свобода перестает выполнять роль системообразующего, эволюционного фактора развития, что свидетельствует о деструкции рыночных оснований. Нивелирование экономической свободы постепенно уничтожит предпринимательскую инициативу, скорее всего, субъекты согласятся на безусловный доход, который будет обеспечивать базовые потребительские нужды, социальная мобильность, как долгосрочная цель, постепенно растворится в водовороте краткосрочных устремлений.

Здесь могут возникнуть возражения: кризис постепенно будет преодолён и рыночные механизмы взаимодействия (без прямого участия государства) будут восстановлены. Для аргументации первоначального тезиса о постепенном нивелировании рыночных основ охарактеризуем субъекта, которого воспитывает информационно-сетевая экономика. Является ли для него свобода первоначальной ценностью?

Первый ответ, который приходит в голову: нет – учитывая уровень кредитной составляющей потребления в глобальной экономике, падение накопления, трансформацию финансовой культуры и формирование финансово-ориентированных паттернов поведения, политику всеобщей финансовой инклюзии, проповедуемую и реализованную мировыми финансовыми институтами. Выйти из круга глобальной финансовой зависимости и несвободы скорее всего

¹⁴ Информация портала: Minfin.com.ua

уже невозможно, а поколение кредитных потребителей уже воспитывают в "финансовой грамотности" новые поколения таких же кредитных потребителей.

Ситуация ещё более глубокая, сегодня нивелируются базовые составляющие институциональной структуры формирования и развития экономической свободы: традиционные семейные ценности, классическое образование, династичный бизнес европейского среднего класса, собственность среднего класса.

Интересная новация этого кризиса – рост числа новых малых предприятий, многие из которых – это предприятия для одного участника. В значительной степени такая тенденция характерна для США. Хотя и во Франции в октябре 2020 года также стали наблюдаться подобные процессы, и было зарегистрировано 84000 новых предприятий – это самый высокий показатель за всю историю. В Германии, Японии и Великобритании также продолжается рост количества новых предприятий. Продолжаются трансформации занятости – 20% мировой рабочей силы (большинство из которой – высококвалифицированная рабочая сила в таких секторах, как финансы, страхование и ИТ) могут работать вне офиса и быть эффективными (Sneider, Singhal, 2021). Экономическая деятельность носит всё более индивидуализированный характер, не взаимодействие становится залогом максимальных экономических эффектов, а наличие индивидуализированных компетенций и навыков, требующих технологических регламентов, а не системного знания и ценностного основания знания. Последнее всё чаще считается рудиментом старой системы экономического и общественного бытия. Сегодня мы живём в мире, против которого жёстко выступал Хайек, но который составляет основу нашей реальности: мир, в котором чистый разум, без промежуточных звеньев (в виде традиций) может обслуживать наши желания, а также – исходя только из себя самого – создавать новый мир, новую мораль, новое право ... (Хайек, 1992. С. 87).

Выводы

Коронакризис осветил и обострил много противоречий нового общества, свидетелями формирования которого мы являемся сегодня. Продолжается глубинное разрушение базовых институтов, составляющих основу западного экономического архетипа, прежде всего экономической свободы, и, как её составляющей, финансовой свободы.

Несмотря на активное продвижение на мировой финансово-экономической арене восприятия финансовой свободы как совокупности собственных и кредитных средств для обеспечения эффективной жизнедеятельности субъекта, её следует рассматривать как противоречивое единство независи-

мости (принятие решений экономического и социального характера без финансового участия и влияния других субъектов) и зависимости от внутренней сущности субъекта, принимающего решение.

Сегодня укореняется искажённое представление о финансовой свободе индивидов, которое развивается не только в результате активизации финансовых институтов и мировых финансовых учреждений на пути к глобальной финансовой инклюзии. Глубинными причинами этого процесса являются дальнейшее расслоение общества, снижение реальных доходов представителей среднего класса, обнищание населения, приводящие к укоренению финансово-ориентированных паттернов поведения, которые проявляются, в том числе, в компенсации недостатка доходной части потребления путём увеличения её кредитной части, несмотря на цели социальной мобильности, которые постепенно вычёркиваются из системы социально-экономических координат рыночных субъектов.

Новое общество – это общество активного вмешательства государства не только в рыночные процессы (как это происходит путём приостановления и возобновления работы национальных экономик в условиях локдаунов), а и в жизнедеятельность субъекта, который в условиях растущей неопределённости и продолжающихся кризисов становится всё более несамостоятельной, зависимой от государства единицей, требующей надзора, организации экономической активности и социальной поддержки, поощрения, а возможно, и наказания (наглядно это демонстрирует китайская система социального кредита). Формирование цифровых систем организации финансовой помощи государства населению и малым предприятиям, которые сегодня внедряются во многих странах, доказывает этот тезис. Рутинизация патерналистского участия государства рискована, ведь в долгосрочной перспективе её результатом может стать уничтожение предпринимательской инициативы, формирование субъекта, исключительно зависимого от государственного и кредитного финансирования жизнедеятельности. Разрушение базовых институтов, которые создавали основу финансовой свободы западного образца, а именно предпринимательских династий, собственности, традиций, преемственности, направленности на социальную мобильность, вместо этого создание индивидуализированных паттернов социализации и профессионального поведения, приведут к тому, что стремление к социальной устойчивости приемлемого среднего уровня будет доминантой операционной активности. Его обеспечение будет проходить в прозрачном пространстве государственно-финансовой циркуляции ликвидности, управляемом его доми-

нантными субъектами (государством и финансовыми институтами), а этот путь – это путь финансовой несвободы.

Литература

1. Гриценко А. (2016). Економіка України на шляху до інклюзивного розвитку. *Економіка і прогнозування*. № 2. С. 9–23. <https://doi.org/10.15407/eip2016.02.007>
2. Гриценко А. А. (ред.). (2020). Доверие в институциональной архитектонике экономического пространства-времени: в 2 т. Киев: Знання України. 550 с.
3. Корнівська В. (2012). Глобалізація і фінансизація економіки: ризики усталеності людського розвитку. *Сталий людський розвиток: забезпечення справедливості*: національна доповідь / кер. авт. колективу Е.М. Лібанова; Інститут демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи. Умань: Видавничо-поліграфічний центр Візаві. 412 с. С. 66–85.
4. Корнівська В. (2020). Інституційні ризики фінансової інклюзії. *Економічна теорія*. № 4. <https://doi.org/10.15407/etet2020.04.045>
5. Корнівська В.О. (2019). Трансформації інститутів фінансового посередництва в умовах становлення інформаційно-мережевої економіки: дис.... д-ра екон. наук / Інститут економіки та прогнозування НАН України. Київ. URL: http://ief.org.ua/wpcontent/uploads/2016/04/%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%B5%D1%80_%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%96%D0%B2%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0.pdf
6. Лин Дж. Й. (2018). Демистификация китайской экономики. Москва; Челябинск: Социум. 384 с.
7. Лисичкин Г. С. (ред.) (1990). Фридман и Хайек о свободе. (1990). Минск: Полифакт. 126 с.
8. Пікетті Т. (2016). Капітал у XXI столітті. Київ.: Наш формат. 696 с. <https://doi.org/10.4159/9780674982918>
9. Форд Г. (1989). Моя жизнь, мои достижения. Москва: Финансы и статистика, 1989. 206 с. С. 128.
10. Фридман М. (2006). Капитализм и свобода. Москва: Новое издательство. 240 с.
11. Хайек Ф. А. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. Москва: Изд-во "Новости". 304 с.
12. Четти Р. (2020). Большие данные о кризисе: о чем молчит традиционная статистика. *Эконс*. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/bolshie-dannye-o-krizise/>
13. Baier S.L., Clanc, M., and Dwyer G.P. Jr. (2012) Banking Crises and Economic Freedom. *Federal Reserve Bank of Atlanta Working Paper*.
14. Bartscher A., Kuhn M., Schularick M. (18 May 2020). Inequality and US household debt: Modigliani meets Minsky. URL <https://voxeu.org/article/inequality-and-us-household-debt-modigliani-meets-minsky>
15. De Haan J., Sturm J.E., and Zandberg E. (2009) The Impact of Financial and Economic Crises on Economic Freedom. *Economic Freedom of the World: 2009 Annual Report*. Vancouver: Economic Freedom Network.
16. Digital identification. A key to inclusive growth. (April 2019). URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/McKinsey%20Dig>

ital/Our%20Insights/Digital%20identification%20A%20key%20to%20inclusive%20growth/MGI-Digital-identification-Report.pdf/

17. Elkins K. (2018). 1 In 3 Americans Have Less Than \$5,000 In Retirement Savings (2018). *Northwestern mutual*. URL: <https://www.cnbc.com/2018/08/27/1-in-3-americans-have-less-than-5000-dollars-saved-for-retirement.html>

18. Petersen A. (Dec. 15, 2020). America's hollow middle class. URL: <https://www.vox.com/the-goods/22166381/hollow-middle-class-american-dream>

19. Rae D. (2019). 8 Levels Of Financial Freedom. URL: <https://www.forbes.com/sites/davidrae/2019/04/09/levels-of-financial-freedom/?sh=433f0da83860>

20. RNS. (2021). URL: <https://rns.online/economy/Dolgi-domohozyaistv-SSHavpervie-previsili-14-trln-2020-02-11/>

21. Sneider K., Singhal S. (January 4, 2021). The next normal arrives: Trends that will define 2021 — and beyond. *McKinsey*. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/leadership/the-next-normal-arrives-trends-that-will-define-2021-and-beyond>

22. White O., Madgavkar A., Manyika J., et al. (2019). Digital identification: A key to inclusive growth. *McKinsey*. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/digital-identification-a-key-to-inclusive-growth?cid=other-eml-alt-mip-mck&hdpid=7a557218-cf74-440c-a527-0adec99ad92d&hctky=2979573&hlkid=a1630c9dd83942da8b03e63428a2cc0e>

23. White O., Madgavkar A., Sibanda T. et al. (2021). COVID-19: Making the case for robust digital financial infrastructure. *McKinsey*. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/covid-19-making-the-case-for-robust-digital-financial-infrastructure?cid=other-eml-alt-mgi-mck&hdpid=2675c7b0-529f-411c-84cb-8ff7de35d932&hctky=2979573&hlkid=dd293b9381054aada0c71d006bbee14d>

Поступление в редакцию 06.04.2021

References

1. Baier, S.L., Clanc, M., and Dwyer, G.P. Jr. (2012) Banking Crises and Economic Freedom. Federal Reserve Bank of Atlanta Working Paper.

2. Bartscher, A., Kuhn, M., Schularick, M. (18 May 2020). Inequality and US household debt: Modigliani meets Minsky. Retrieved from <https://voxeu.org/article/inequality-and-us-household-debt-modigliani-meets-minsky/>

3. Chetty, R. (2020). Big data on the crisis: what traditional statistics are silent about. *Econs*. Retrieved from <https://econs.online/articles/ekonomika/bolshie-dannye-o-krizise/>

4. De Haan, J., Sturm, J.E., and Zandberg, E. (2009). The Impact of Financial and Economic Crises on Economic Freedom. *Economic Freedom of the World: 2009 Annual Report*. Vancouver: Economic Freedom Network.

5. Digital identification. A key to inclusive growth. (April 2019). Retrieved from <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/McKinsey%20Digital/Our%20Insights/Digital%20identification%20A%20key%20to%20inclusive%20growth/MGI-Digital-identification-Report.pdf/>

6. Elkins, K. (2018). 1 In 3 Americans Have Less Than \$5,000 In Retirement Savings Northwestern mutual. Retrieved from <https://www.cnbc.com/2018/08/27/1-in-3-americans-have-less-than-5000-dollars-saved-for-retirement.html>
7. Ford, H. (1989). My Life and Work. Moscow: Finansy i statistika [in Russian].
8. Friedman, M. (2006). Capitalism and freedom. Moscow: Novoe izdatelstvo [in Russian].
9. Hayek, F. (1992). Pernicious arrogance. The mistakes of socialism. Moscow: Novosti [in Russian].
10. Hrytsenko, A. A. (2016). The economy of Ukraine on the path to inclusive development. *Ekon. prognovannâ - Economy and forecasting*, 2, 9-23. <https://doi.org/10.15407/eip2016.02.007> [in Ukrainian].
11. Hrytsenko, A. A. (ed.). (2020). Trust in the institutional architectonics of economic space-time: in 2 volumes. Kyiv: Znannia Ukrainy [in Russian].
12. Kornivska, V. (2012). Globalization and financing of the economy: risks of sustainable human development. Sustainable human development: ensuring justice: a national report / ed. aut. to the team of E.M. Libanova; Institute of Demography and Social Research. M.V. Birds. Uman: Vydavnycho-polihrafichniy tsentr Vizavi [in Ukrainian].
13. Kornivska, V. (2019). Transformations of financial intermediation institutions in the conditions of formation of information-network economy: dis. Dr. Econ. Sciences. Institute for Economics and Forecasting, NAS of Ukraine. Kyiv. Retrieved from http://ief.org.ua/wpcontent/uploads/2016/04/%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%B5%D1%80_%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%96%D0%B2%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0.pdf [in Ukrainian].
14. Kornivska, V. (2020). Institutional risks of financial inclusion. *Ekon. teor. - Economic theory*, 4, 45-64. <https://doi.org/10.15407/etet2020.04.045> [in Ukrainian].
15. Lin, J. Y. (2018). Demystifying the Chinese Economy. Moscow; Chelyabinsk: Socium [in Russian].
16. Lisichkin, G. S. (ed.). (1990). Friedman and Hayek on Freedom. Minsk: Polifakt [in Russian].
17. Petersen, A. (Dec. 15, 2020). America's hollow middle class. Retrieved from <https://www.vox.com/the-goods/22166381/hollow-middle-class-american-dream/>
18. Piketty, T. (2016). Capital in the Twenty-First Century. Kyiv: Nash format. <https://doi.org/10.4159/9780674982918> [in Ukrainian].
19. Rae, D. (2019). 8 Levels of Financial Freedom. Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/davidrae/2019/04/09/levels-of-financial-freedom/?sh=433f0da83860/>
20. RNS. (2021). Retrieved from <https://rns.online/economy/Dolgi-domohozyaistv-SSHa-vpervie-previsili-14-trln-2020-02-11/>
21. Sneader, K., Singhal, S. The next normal arrives: Trends that will define 2021 and beyond. (January 4, 2021). McKinsey. Retrieved from <https://www.mckinsey.com/featured-insights/leadership/the-next-normal-arrives-trends-that-will-define-2021-and-beyond>
22. White, O., Madgavkar, A., Sibanda, T. et al. (2021). COVID-19: Making the case for robust digital financial infrastructure. McKinsey. Retrieved from <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/covid-19-making-the-case-for-robust-digital-financial-infrastructure?cid=other-eml-alt-mgi-mck&hdpid=2675c7b0-529f-411c-84cb-8ff7de35d932&hctky=2979573&hlkid=dd293b9381054aada0c71d006bbee14d/>

23. White, O., Madgavkar, A., Manyika, J. et al. (2019). Digital identification: A key to inclusive growth. McKinsey. Retrieved from <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/digital-identification-a-key-to-inclusive-growth?cid=other-eml-alt-mip-mck&hdpid=7a557218-cf74-440c-a527-0adec99ad92d&hctky=2979573&hlkid=a1630c9dd83942da8b03e63428a2cc0e/>

Receipt on April 6, 2021